

О.А. КАРМАДОНОВ, Г.Д. КОВРИГИНА

НЕОЧЕВИДНОСТЬ СОЛИДАРНОСТИ: ПРОБЛЕМА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТРУДНО ВЕРИФИЦИРУЕМЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

КАРМАДОНОВ Олег Анатольевич – доктор философских наук, профессор Института социальных наук Иркутского государственного университета (karmado@yandex.ru); КОВРИГИНА Галина Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета (kowrigina.galina2017@yandex.ru). Оба – Иркутск, Россия.

Аннотация. Объекты социологической науки в самом общем виде могут быть классифицированы на очевидные/легко верифицируемые и неочевидные/трудно верифицируемые. Социальная солидарность входит во второй ряд. Являясь одним из базовых исследовательских феноменов социологии, солидарность представляет собой наиболее сложный объект для эмпирического изучения. Описание данного явления страдает эмпирической односторонностью, методологической непроработанностью, что обусловлено, прежде всего, тем, что солидарность – сложное компонентное явление. Она может быть наиболее адекватно описана и объяснена в таком же – комплексном подходе, синтезирующем матрицы социологии, психологии и социобиологии.

Ключевые слова: социальная солидарность • неочевидность • верифицируемость • методология эмпирического анализа • полидисциплинарность

DOI: 10.31857/S013216250002154-2

Как известно, природа не подозревала о своем существовании, пока не произвела из себя человека – разумное и способное к рефлексии существо, являющееся частью природы и одновременно сумевшее возвыситься над ней и охватить мысленным взором – докуда его хватило, разумеется – всё сущее. Человеческое общество точно так же долгое время не знало, что существует, пока не произвело людей, обративших на него свой профессиональный взгляд – обществоведов. И с самых первых шагов научной рефлексии практически каждый мыслитель уделил внимание тому, что, собственно, и делает общество возможным – социальной солидарности.

У Платона последняя представлена как «дружелюбные взаимоотношения и отсутствие ненависти и мятежей <то есть> – единодушие, <которое> одинаково обеспечивает согласие не только государству, но и частным лицам – как с самими собой, так и с другими частными лицами» [Платон. Алкивиад I: 252]. Прозвучала у классика и тема разделения труда, являющегося основой конъюнктивных общественных процессов, включая возникновение государства: «Каждый человек привлекает то одно, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [Платон. Государство: 369 b-c].

Аристотель, которого О. Конт называет не иначе как «настоящий основатель начальной социологии» [Comte, 1875: 234], развивает идеи до представления о человеке, который «по природе своей есть существо политическое» [Аристотель, 1983: 455], уделяя внимание необходимости разделения труда, поскольку «[общественные] взаимоотношения возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, [скажем,] врач и земледелец и вообще разные и неравные [стороны], а их-то и нужно приравнять» [Аристотель, 1983: 155–156], а также социально-коммуникативным

факторам – общению и дружбе: «государство не есть общность местожительства, оно не создаётся для предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии всех их, вместе взятых, ещё не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни. [И] всё это основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни» [Аристотель, 1983: 461–462].

Цицерон, поддержав и развив идеи греческих предшественников в части разделения труда и полисного патриотизма, внес в рассмотрение оснований социальной солидарности и собственный ощутимый вклад, прозрев многие идеи, вышедшие на повестку дня социальной науки уже в XIX в. В трактате «Об обязанностях» римский философ говорит о том, что мы бы назвали сегодня социальной идентичностью, как основе социальной консолидации: «Если оставить в стороне беспредельное общество, то существует более близкое нам, основанное на общности племени, народа, языка и теснейше объединяющее людей. Еще более тесные узы – принадлежность к одной и той же гражданской общине» [Цицерон, 1993: 73]. В том же трактате Цицерон говорит об общности представлений, а также (вторя Аристотелю) и о конъюнктивной важности дружбы: «великое дело – иметь одни и те же памятники предков, совершать одни и те же священнодействия, иметь общие места для погребения. Но из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями» [Цицерон, 1993: 73].

Поднял Цицерон и тему биологических императивов социальности. В работе «О государстве» мыслитель утверждает: «государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не... [удаляться от подобных себе.]. ...Что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием?» [Цицерон, 1994: 20–21]. То есть, человек обречен на социальность уже своей биологической природой – взгляд, озвученный в обществознании снова только через без малого двадцать веков А. Бергсоном, доказывавшим, что социальная консолидация детерминирована потребностью выживания, необходимостью «защищаться от других обществ, и прежде всего против всех других людей; заключают союз и любят тех людей, с которыми вместе живут. Таков первобытный инстинкт. Он все ещё сохраняется, благополучно скрытый под достижениями цивилизации, но и теперь мы естественно и непосредственно любим наших родителей и наших сограждан, тогда как любовь к человечеству носит опосредованный и приобретенный характер» [Бергсон, 1994: 33].

Физики иногда шутят, что все базовые идеи их науки были сформулированы ещё древними греками, они же всего лишь осуществляют дальнейшую детализацию. С известным допущением то же можно сказать и о социальной науке, особенно – в части проблемы социальной солидарности. По крайней мере, «поздние классики» – О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс, М. Вебер исследовали конъюнктивные общественные процессы именно с точки зрения их социокультурных и социально-экономических оснований и механизмов, включая коллективные представления, социальную идентификацию, фактор социальной справедливости, территориальное расселение, базовую социальность, дифференциацию труда, материальное неравенство, дружеские отношения в малых и больших группах [Кармадонов, Зверев, 2012]. Начала исследования перечисленного были положены именно в античной науке.

Современные исследования социальной солидарности характеризуются снижением внимания к проблематике разделения труда и классовых антагонизмов и увеличивающейся привлекательностью проблем, связанных с общественной моралью,

историческими и этнокультурными основаниями различных типов социальной конъюнкции и структурной динамики процессов общественной интеграции [Кармадонов, 2015]. Получает все большее внимание и проблема биологических, точнее – эволюционно-биологических императивов социальной солидарности, правда, в трудах, главным образом, ученых-биологов. В частности, Р. Бойд и П. Ричерсон (вслед за Ч. Дарвином) пришли к выводу о том, что коллективизм есть результат эволюции человека, в ходе которой наибольшими жизненными шансами обладало сообщество, где сложились практики культурного конформизма и сотрудничества [Boyd, 1990]. Одновременно, подчеркивает М. Ридли, в коллективности обязательно присутствует индивидуальный, частный интерес. Более того, по словам британского биолога, «быть в стае – эгоистичный, а не социальный акт. Если речь идет не о больших семьях, ничего альтруистичного в стадном или социальном поведении животных нет. ...Основная выгода, которую [высшие приматы] извлекают из жизни в больших сообществах, заключается в следующем: благодаря своему размеру стая обеспечивает безопасность, снижая риск успешного нападения на ее территорию соперничающей стаи» [Ридли, 2014: 203].

Данное видение, на первый взгляд, несколько противоречит другому взгляду на происхождение социальности, в котором внимание акцентируется на реципрокности (взаимности), точнее – на реципрокном альтруизме. Данное понятие введено в научный оборот американским социобиологом Р. Триверсом, который характеризовал с его помощью отношения взаимных услуг и уступок между членами сообщества высших приматов, напрямую, казалось бы, не преследующих эгоистичные цели [Trivers, 1971]. Одновременно от такого рода малых и больших самопожертвований в итоге выигрывало всё сообщество. В связи с этим, данный концепт недавно получил существенное уточнение и детализацию в контексте теории сопряженной эволюции парохимального¹ альтруизма и войн. Её создатели – экономисты Дж.-К. Чой и С. Боулз полагают, что альтруизм в человеческих сообществах не мог не носить местнического, узкоплеменного характера. На основании анализа математических моделей исследователи пришли к выводу о большой вероятности формирования именно такого рода альтруизма еще в эпоху позднего плейстоцена и раннего голоцена (примерно 12 тыс. лет назад). Климатические условия того периода создавали серьезный дефицит жизненно-важных ресурсов и вызовы самому существованию группы. Именно эти факторы «естественных катастроф и нехватки ресурсов выступили наиболее значимыми причинами столкновений между группами добытчиков (фуражирами), и способствовали повышению уровня межгрупповых конфликтов вообще» [Choi, 2007: 637]. Выводы о парохимальном характере альтруизма подтверждены и в последующем исследовании С. Боулза по проблеме влияния войн первобытных охотников-собирателей на формирование особенностей социального поведения человека [Bowles, 2009].

Тем самым, согласно данным социобиологии, альтруизм, взаимная поддержка, солидарность как базовые формы социальности являются результатом тысячелетий эволюции, которая, как известно, отбирает и закрепляет признаки, способствующие выживанию, отбраковывая не прошедшие апробацию. Как всякое социальное явление, солидарность, разумеется, способна к флуктуациям. Одним из значимых результатов исследований биологов-эволюционистов является, на наш взгляд, вывод о зависимости уровня солидарности сообщества (реципрокности, альтруизма, эмпатии) от характера существующего в нем политического режима. Было установлено, что при деспотических режимах в сообществах высших приматов имеет место низкий уровень реципрокного альтруизма, а, значит, в тех же условиях присутствует высокий уровень реципрокного эгоизма [Jaeggy, 2010; Hauert, 2007]. Другими словами, более открытое и эгалитарное общество предоставляет более благоприятные условия для формирования альтруизма и солидарности, нежели деспотическое и жестко иерархизированное общество с низким уровнем социальной справедливости и равенства.

¹ Относящегося исключительно к «своим». – Прим. ред.

Говоря словами М. Ридли, «там, где власть заменяет собой реципрокность, чувство общности пропадает» [Ридли, 2014: 295].

Отметим и то обстоятельство, что солидарность, с одной стороны, традиционный объект социальной науки, с другой же стороны, данный объект не свободен от известной противоречивости или парадоксальности. Парадоксальность заключается в том, что в социологии социальная солидарность признается необходимым и достаточным условием существования социального целого, её наличие (даже градуированное – того или иного уровня) постулируется, так сказать, «по умолчанию». Но верификация её крайне затруднительна в силу того, что социальная солидарность является неочевидным, а потому – чрезвычайно сложным для исследования феноменом.

Справедливости ради скажем, что в таком двусмысленном положении находится не одна солидарность. Все объекты социологической науки можно разделить на очевидные/легко верифицируемые и неочевидные/трудно верифицируемые. По сути, именно это разделение служит до сих пор основой различения макро- и микро-социологических парадигм, количественной и качественной стратегий, структурного и интерпретативного подходов (см. табл.).

Таблица

Объекты социологии по признаку очевидности и верифицируемости

Очевидные / легко верифицируемые объекты социологии	Неочевидные / трудно верифицируемые объекты социологии
социальная стратификация социальное неравенство социальная мобильность гражданская активность социальная адаптация (конативная, т.е., как деятельность)	социальная солидарность социальная идентичность социальное самочувствие социальные ценности и нормы социальная адаптация (когнитивная и аффективная)

Обратим внимание: к объектам первого ряда (очевидным) относятся фиксируемые социально-экономические статусы, а также наблюдаемые поведенческие акты. Второй реестр включает объекты (состояния), являющиеся содержанием внутреннего мира личности и общности. Наблюдение, утверждал О. Конт, является «единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям» [Конт, 1910]. Он, однако, не сказал ничего о возможностях использования наблюдения для исследования неочевидных социальных состояний, в частности – социальной солидарности, которой он посвятил много внимания, в особенности – во втором томе «Системы позитивной политики» под титулом «Социальная статика, или абстрактная теория человеческого порядка», пока не дождавшемся своего перевода на русский. Конт говорит о том, как достигается, по его мнению, состояние солидарности, выделяя здесь всего три основных механизма: подчинение, союз и защита. Основную роль в формировании общественного единства играют семья и государство. Первая «покуда ограничена трудом, непосредственно удовлетворяющим только небольшую часть её собственных нужд, вынуждена будет однажды осознать важность для себя и других семей, равно как и собственную полезность для последних» [Comte, 1875: 243]. Второе является «первичным социальным институтом, созданным для обеспечения совместного действия... Это – часть той спланирующей общности силы, что повсеместно зовется правительством, делом которого является одновременно – соединять и направлять» [Comte, 1875: 243]. Тем самым, есть понимание, что солидарность является основой социальности, очевидны механизмы и институты её поддерживающие, нет ясности только в одном – как её изучать эмпирически.

Имеющиеся прикладные исследования социальной солидарности эту проблему обычно «не видят» и характеризуются, как правило, узко профилированным

аналитическим фокусом. Исследователи (включая авторов данной статьи) сосредотачивают внимание, в частности, на таких факторах социальной консолидации: институциональное доверие [Москвин, 2011; Трофимова, 2017; Калашников, 2017; Кошарная, 2015], эмпатия и альтруизм [Кармадонов, 2012; Полюшкевич, 2015; Ефременко, Евсеева, Симонова, 2014], социальное неравенство [Русинова, Панова, 2010; Локозов, 2014; Максимова, Морковкина, 2017; Еремичева, 2010], социальная мобилизация [Ядов, 2002; Яницкий, 2004; Яницкий, 2010; Efremenko, Evseeva, 2012], гражданский активизм [Александрова, 2017; Карелина, 2005; Молодов, 2016; Халий, Аксенова, 2010]. То есть, социальная солидарность описывается, по сути, через свои эпифеномены, причем, рекрутированные из «очевидного» и «неочевидного» реестра объектов. Разумеется, в этом есть резон, поскольку одна из основных трудностей в эмпирическом изучении солидарности – её операционализация. Но здесь же кроется и подвох, поскольку практически не встречаются исследования, в которых валидность и эвристичность того или иного понятия для описания социальной солидарности были бы должным образом обоснованы. Другими словами, исследователи фиксируют, верифицируют и описывают неочевидный социальный объект или состояние через другие социальные объекты, воспринимаемые в качестве эвристических по умолчанию. Точнее говоря, объект-дескриптор, с помощью которого описывается основной объект, избирается или на основании идей классиков и мэтров (социальное неравенство, мобилизация, гражданский активизм), или исходя из здравого смысла (вполне логично предположить, что то или иное состояние солидарности связано с определенным уровнем доверия, эмпатии и альтруизма).

Но если операционализация, исследование, описание и объяснение социальной солидарности рождает столь много сложностей, не лучше ли отказаться от неё как от объекта социологической науки, оставив её умозрительной части социальной философии? В принципе, период фактического отказа социальной науки в целом от этого, – одного из её ключевых! – понятия имел место с начала 1930-х гг. вплоть до начала века нынешнего, на что обращает внимание А.Б. Гофман [Гофман, 2013]. По мнению исследователя, такая судьба данного понятия, прежде всего, связана с фундаментальной полисемией «самого слова “солидарность”, в которой отразилась множественность интерпретаций идеи солидарности. С другой стороны, сама эта полисемия в свою очередь несомненно повлияла не только на повседневный, политический или моральный дискурсы солидарности; она (как это часто бывает в социальной науке, хотя и в разной степени) проникла в научный дискурс, оказывая на него существенное влияние. Это влияние прослеживается и в классических теориях, и в современных» [Гофман, 2013: 10]. А.Б. Гофман не объясняет возрождение интереса к данному «неочевидному» объекту социологии, ограничиваясь констатацией этого факта, и справедливо указывая на то, что проблема солидарности в современном российском обществе стоит очень остро. В отсутствие общегражданской солидарности, существующие партикулярные конъюнкции (политические, этнические, религиозные, корпоративные, и пр.) «несут с собой огромный потенциал дезинтеграции и разрушения» [Гофман, 2013: 58].

Мы, в свою очередь, попробуем предположить: возвращение солидарности в актуальный тезаурус и реестр объектов мировой социологии в немалой степени связано с вызовами современности, с которыми столкнулись сегодня общества развитых стран. Наиболее важными (с точки зрения рассматриваемого вопроса) среди них являются проблема реформирования властных отношений в сторону усиливающегося влияния государства во всех сферах, проблема культурной и гражданской идентичности, обострившаяся, в том числе, в связи с беспрецедентными миграционными потоками в западные страны со стороны культурно и ментально не близких регионов, и, тесно связанная с предыдущей, проблема сохранения определенного уровня жизни и социальной защищенности. Один из европейских политиков²

² Бывший вице-премьер и лидер Рабочей партии Нидерландов Ваутер Бос.

сформулировал это следующим образом: «Солидарность расцветает там, где есть общие интересы и общие ценности. Трагедия западных европейских обществ заключается в том, что эти основания солидарности сегодня подрываются миграцией и неудачами в попытках интегрировать вновь прибывших в наши общества. Граждане-налогоплательщики вполне могут задать резонные вопросы, почему они должны стараться ради людей, которых не знают, не понимают, и которые ведут себя совершенно не так, как они» [Hill, 2010: 308]. Именно с поставленными под вопрос основаниями социальной конъюнкции в развитых странах связан, на наш взгляд, резко возросший интерес ученых и политиков этих стран к проблеме солидарности. Что касается отечественного социума, здесь проблема приемлемых и релевантных принципов социальной интеграции остро стоит уже четверть века, с периода дискредитации и последующего разрушения конъюнктивных механизмов советского общества. Очевидная проблема не могла не вызвать и усиление научного и общественного интереса к себе, что отражается в растущем количестве исследований по проблемам консолидации российского общества. Другими словами, социальная солидарность как объект социологии явилась на её исследовательскую повестку «всерьез и надолго». Поэтому вести речь о релевантности данного феномена для науки не приходится.

Но приходится вести речь о методологических принципах его изучения. На наш взгляд, методологическая проблема социальной солидарности наиболее адекватно может быть разрешена сегодня только в полидисциплинарных исследованиях, учитывающих различные теоретические концептуализации и аналитические инструменты каждой науки, для которой солидарность – один из приоритетных объектов. Замечательный пример близкого к такому видению подхода дан в работе исследовательской группы голландских, немецких, американских, британских социологов и психологов в рамках проекта «Солидарность и просоциальное поведение». Ученые поясняют свои мотивы следующим образом: «Социологи и психологи объединили усилия, чтобы исследовать важную роль, которую играют фрейминг и ментальные модели в объяснении просоциального и солидарного поведения, поскольку ни одна, ни другая дисциплина, сама по себе, не способна охватить весь спектр теоретических вопросов, которые необходимо поднять в ходе такого объяснения» [Solidarity, 2006: 4]. Интересна базовая посылка данного проекта. По мнению исследователей, проявление солидарности всегда зависит от когнитивных моделей, носителем которых является индивид, и конкретных ситуаций, в которых он действует. Эта комбинация определяет, будет ли он действовать солидаристски или эгоистично. Мы бы определили этот подход к проблеме солидарности как прагматистский.

Не вдаваясь в описание результатов реализованного зарубежными коллегами исследования, отметим его высокую значимость и серьезный вклад в дальнейшее раскрытие механизмов, стимулов, оснований и условий социальной консолидации современного общества. Примечательно, что ученые смогли выработать и достаточно непротиворечивый терминологический аппарат, который для такого совместного проекта, конечно же, был просто необходим. Вместе с тем, мы отметили бы, что несколько странным выглядит, к примеру, факт, что методологическое обоснование данной работы в части социологии ведет отсчет проблематики социальной солидарности от Э. Дюркгейма. Вклад О. Конта игнорируется, как и идеи К. Маркса, не говоря уже об античных предтечах, упомянутых в начале статьи. Среди социологов XX в. наиболее часто упоминается Т. Парсонс (совершенно справедливо), однако полностью игнорируется интеракционистская концептуализация конъюнктивных общественных процессов. Впрочем, эти лакуны не драматично снижают общую ценность и значимость полученных международным коллективом результатов.

Авторы данной статьи также предпринимали попытку исследования солидарности как одновременно социального и психологического феномена с соответствующим сочетанием дисциплинарных логик [Кармадонов, Ковригина, 2017]. Все-таки оптимальным в исследовании социальной солидарности было бы, на наш взгляд, дополнение социологического и психологического подходов эволюционной (социальной) биологией. Это те области научного знания, которые наиболее полно

описывают принципы формирования и поддержания социальной солидарности. Последняя, с учетом такого видения, может быть определена как *результат конъюнктивных общественных процессов, обусловленных эволюционно-биологическими императивами выживания и воспроизводства сообщества, определяемых когнитивными и аффективными структурами, носителями которых являются его члены, и реализующихся в виде деятельности в специфичной социально-политической и социально-экономической среде, способствующей или препятствующей действительной социальной конъюнкции.*

Направления подобного исследования могут, в частности, включать:

1. Социально-политические условия формирования солидарности (характер политического режима), определяющие, в свою очередь, и тот или иной уровень социального неравенства, и степень его приемлемости (социологическое измерение в референции к социобиологии);

2. Субъектность граждан, то есть, их способность к формулированию собственных целей и определению стратегий их достижения (социально-психологическое измерение);

3. Степень предсказуемости социальной среды или уровень взаимного доверия (социология и социальная психология);

4. Уровень реципрокного альтруизма и реципрокного эгоизма (социальная психология и эволюционная биология).

Учет максимально возможного комплекса факторов, влияющих на формирование и воспроизводство социальной солидарности в том или ином обществе, позволит приблизиться к наиболее достоверному её описанию и анализу. В этом случае «неочевидность» данного социального явления может быть значимо снижена, что внесет вклад в дальнейшую институционализацию социологии как позитивной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Ю.А. Общественно-политические отношения в современной России: к вопросу об оценке степени консолидации и дезинтеграции // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 2. С. 11–16.
- Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
- Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
- Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник – 2012. Сб. науч. тр. / Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.
- Еремичева Г.В. Социальное неравенство – негативный фактор в процессе консолидации // Условия и возможности консолидации российского общества. Сб. науч. тр. СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 219–249.
- Ефременко Д.В., Евсеева Я.В., Симонова О.А. Солидарность и альтруизм как факторы социального сплочения (вступительная статья) // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. науч. тр. Сер. «Теория и история социологии». Центр соц. науч.-инф. исслед. Отд. социологии и соц. психологии / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2014. С. 5–15.
- Калашников К.Н., Шаров В.В. Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 73–81.
- Карелина М.В. Региональные профсоюзы в социальном диалоге // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 62–70.
- Кармадонов О.А., Зверев М.К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012.
- Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
- Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Социально-психологические факторы макро- и микросоциальной консолидации в молодежной среде // Научный результат. Социология и управление. 2017. Т. 3. № 2. С. 32–47.
- Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 1–11.
- Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

- Кошарная Г.Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // *Власть*. 2015. № 9. С. 125–129.
- Локосов В.В. Социально-экономические факторы консолидации российского общества: региональный аспект // *Экономика региона*. 2014. № 3. С. 74–82.
- Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Образ России в представлениях населения современных приграничных регионов // *Siberian Socium*. 2017. Т. 1. № 1. С. 76–83.
- Молодов О.Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // *Проблемы развития территории*. 2016. Вып. 2 (82). С. 82–97.
- Москвин Л.Б. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // *Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты)*. М.: ИС РАН, 2011. С. 67–78.
- Платон. Алкивиад I // Платон. Собр. сочинений в 4 т.: Т. I. М.: Мысль, 1990. С. 220–267.
- Платон. Государство. Книга II // PSYLIB. Самопознание и саморазвитие. Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos02.htm> (дата обращения: 20.05.2018).
- Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. № 6 (130). С. 3–18.
- Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2014.
- Русинова Н.Л., Панова Л.В. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества // *Условия и возможности консолидации российского общества*. Сб. науч. тр. СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 164–218.
- Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 68–75.
- Халий И.А., Аксенова О.В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. М.: Новый хронограф, 2010. С. 222–249.
- Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.
- Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. М.: Ладомир, Наука, 1994.
- Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // *Общество и экономика*. 2002. № 12. С. 90–94.
- Яницкий О.Н. Мобилизационная структура гражданского общества // Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1924> (дата обращения: 16.05.2018).
- Яницкий О.Н. Риск-солидарности: российская версия // *ИНТЕР*. 2004. № 2–3. С. 52–62.
- Bowles S. Did warfare among ancestral hunter-gatherers affect the evolution of human social behaviors? // *Science*. 2009. V. 324. P. 1293–1298.
- Boyd R., Richerson P. Culture and Cooperation // *Beyond Self-Interest* / Ed. J.J. Mansbridge. Chicago: Chicago University Press, 1990. P. 111–132.
- Choi J.K., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war // *Science*. 2007. Vol. 318. P. 636–640.
- Comte A. System of Positive Polity. Vol. 2. // *Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order*. London: Longmans, Green, and Co. 1875. URL: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (дата обращения: 16.05.2018).
- Efremenko D., Evseeva Y. Studies of Social Solidarity in Russia: Tradition and Modern Trends // *American Sociologist*. 2012. No. 43. P. 349–365.
- Hauert C., Traulsen A., Brandt H., Nowak M.A., Sigmund K. Via freedom to coercion: the emergence of costly punishment // *Science*. 2007. Vol. 316. P. 1905–1907.
- Hill S. Europe's Promise: Why the European Way is the Best Hope in an Insecure Age. Los Angeles: University of California Press, 2010.
- Jaeggli A.V., Stevens J.M.G., Van Schaik C.P. Tolerant food sharing and reciprocity is precluded by despotism among bonobos but not chimpanzees // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 143 (1). P. 41–51.
- Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives / Ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer, 2006.
- Trivers R.L. The evolution of reciprocal altruism // *Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46. P. 35–57.

THE NON-OBVIOUS SOLIDARITY: THE PROBLEM OF EMPIRICAL STUDY OF HARDLY VERIFIED SOCIAL STATES

KARMADONOV O.A.*, KOVRIGINA G.D.**

* Irkutsk State University, Russia, ** Irkutsk National Research Technical University, Russia

Oleg A. KARMADONOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University (karmado@yandex.ru); Galina D. KOVRIGINA, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., the Institute of Economics, Management and Law of the Irkutsk National Research Technical University (kovrigina.galina2017@yandex.ru). Both – Irkutsk, Russia.

Abstract. The principal objects of sociological science in the most general form can be classified into the obvious/easily verifiable, and the unobvious/difficultly verifiable ones. Social solidarity is in the second row. Being one of the basic research phenomena of sociology, solidarity, at the same time, is one of the most complex objects for empirical study. Purely sociological description and analysis of this phenomenon suffer from well-known empirical one-sidedness and methodological undevelopment, because solidarity, which is a complex phenomenon, can be most adequately described in the same – complex approach synthesizing descriptive matrices of sociology, psychology and sociobiology.

Keywords: social solidarity, non-obviousness, verifiability, methodology of empirical search, polydisciplinarity.

REFERENCES

- Alexandrova Yu.A. (2017) Social and political relations in modern Russia: on assessing the degree of consolidation and disintegration. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Management Institute]. Vol. 17. No. 2: 11–16. (In Russ.)
- Aristotle. (1983) *Writings*. In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Bergson A. (1994) *Two Sources of Morality and Religion*. Moscow: Canon. (In Russ.)
- Bowles S. (2009) Did warfare among ancestral hunter-gatherers affect the evolution of human social behaviors? *Science*. Vol. 324: 1293–1298.
- Boyd R., Richerson P. (1990) Culture and Cooperation. In: *Beyond Self-Interest*. Ed. by J.J. Mansbridge. Chicago: Chicago University Press: 111–132.
- Choi J.K., Bowles S. (2007) The coevolution of parochial altruism and war. *Science*. Vol. 318: 636–640.
- Cicero. (1993) About old age. About friendship. About duties. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Cicero. (1994) *Dialogues: On the state. About the laws*. Moscow: Ladomir, Nauka. (In Russ.)
- Comte A. (1875) System of Positive Polity. Vol. 2. In: *Social Statics, Or The Abstract Theory of Human Order*. London: Longmans, Green, and Co. URL: <https://archive.org/details/systemofpositive02comt> (accessed 16.05.2018).
- Comte A. (1910) *The Spirit of Positive Philosophy (The Word of Positive Thinking)*. Saint Petersburg. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kont_Duh_pozitivnoy_filosofii.pdf (accessed 15.05.2018). (In Russ.)
- Efremenko D., Evseeva Y. (2012) Studies of Social Solidarity in Russia: Tradition and Modern Trends. *American Sociologist*. No. 43: 349–365.
- Efremenko D.V., Evseeva Ya.V., Simonova O.A. (2014) Solidarity and altruism as factors of social cohesion (introductory article). In: *Social Solidarity and Altruism: Sociological Tradition and Modern Interdisciplinary Research. Ser. "Theory and history of sociology"*. Center of sociology and soc. Psychology. Ed. D.V. Efremenko. Moscow: INION: 5–15. (In Russ.)
- Eremicheva G.V. (2010) Social inequality is a negative factor in the process of consolidation. In: *Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society*. SI RAS. Ed. A.V. Duk, I.I. Eliseev. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 219–249. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2013) Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Sociological Yearbook – 2012*. Ed. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN: 97–167. (In Russ.)
- Hauert C., Traulsen A., Brandt H., Nowak M.A., Sigmund K. (2007) Via freedom to coercion: the emergence of costly punishment. *Science*. Vol. 316: 1905–1907.
- Hill S. (2010) *Europe's Promise: Why the European Way is the Best Hope in an Insecure Age*. Los Angeles: University of California Press.
- Jaeggy A.V., Stevens J.M.G., Van Schaik C.P. (2010) Tolerant food sharing and reciprocity is precluded by despotism among bonobos but not chimpanzees. *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 143 (1): 41–51.
- Kalashnikov K.N., Sharov V.V. (2017) Labor relations in Russia: between partnership and confrontation. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 73–81 (In Russ.)
- Karelina M.V. (2005) Regional trade unions in social dialogue. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 62–70 (In Russ.)
- Karmadonov O.A. (2012) Norms and empathy as factors of social transformations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 1–11. (In Russ.)
- Karmadonov O.A. (2015) Solidarity, Integration, Conjunction. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. (2017) Socio-psychological factors of macro- and microsocial consolidation in the youth environment. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific Result. Sociology and management]. Vol. 3. No. 2: 32–47 (In Russ.)
- Karmadonov O.A., Zverev M.K. (2012) *Consolidation of Russian Society: Flows and Obstacles*. Irkutsk: Izd-vo IGU (In Russ.)
- Khaliy I.A., Aksenova O.V. (2010) Activity of civil society structures: orientation to interaction of social subjects. In: *Social Factors of Consolidation of Russian Society: Sociological Dimension*. Moscow: Novyi Khronograf: 222–249. (In Russ.)
- Kosharnaya G.B. (2015) Institutional and interpersonal trust in the consolidation of Russian society. *Vlast'* [Power]. No. 9: 125–129. (In Russ.)
- Lokosov V.V. (2014) Socio-economic factors of the consolidation of Russian society: the regional aspect. *Ekonomika regiona* [The economy of the region]. No. 3: 74–82. (In Russ.)
- Maksimova S.G., Morkovkina A.G. (2017) The image of Russia in the representations of the population of modern border regions. *Siberian Socium*. V. 1. No. 1: 76–83. (In Russ.)

- Molodov O.B. (2016) Social consolidation in the conditions of a new reality: the problem of social activity and the identity of the population of the region. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development]. No. 2 (82): 82–97. (In Russ.)
- Moskvin L.B. (2011) Confidence as the most important prerequisite of consensus in society. In: *Consent in Society as a Condition for the Development of Modern Russia (Political and Social Aspects)*. Moscow: IS RAN: 67–78. (In Russ.)
- Plato. (1990) Alcibiades I. In: Plato. *Coll. Works*. In 4 vol. Vol. I. Moscow: Mysl': 220–267. (In Russ.)
- Plato. The State. Book II. PSYLIB. *Self-knowledge and self-development*. Psychological Library of the Kyiv Foundation for the Promotion of Mental Culture. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos02.htm> (accessed 20.05.2018) (In Russ.)
- Polushkevich O.A. (2015) Social Empathy: Issues of the Consolidation of Russian Society. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6 (130): 3–18 (In Russ.)
- Ridley M. (2014) *The Origin of Altruism and Virtue: from Instincts to Cooperation*. Moscow: Eksmo (In Russ.)
- Rusinova N.L., Panova L.V. (2010) Social inequalities and limited resources of social capital as obstacles to the consolidation of Russian society. In: *Conditions and Opportunities for the Consolidation of Russian Society*. SI RAS. Ed. A.V. Duka, I.I. Eliseeva. Saint Petersburg.: Nestor-Istoriya: 164–218 (In Russ.)
- Solidarity and Prosocial Behavior. An Integration of Sociological and Psychological Perspectives*. (2006) Ed. by D. Fetchenhauer, A. Flache, B. Buunk, S. Lindenberg. New York: Springer.
- Trivers R.L. (1971) The evolution of reciprocal altruism. *Quarterly Review of Biology*. Vol. 46: 35–57.
- Trofimova I.N. (2017) Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 68–75. (In Russ.)
- Yadov V.A. (2002) Solidarity of Russians in everyday life and on a national scale. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics]. No. 12: 90–94. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2004) Risk-solidarity: the Russian version. *INTER*. No. 2–3: 52–62. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2010) *Mobilization Structure of Civil Society*. The official site of the IS RAS. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?Id=1924> (accessed 16.05.2018). (In Russ.)

Received: 25.05.18. Accepted: 27.06.18.